

На правах рукописи

Войтенко Екатерина Петровна

**ОБРАЗНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА
В ХАКАССКОМ И РУССКОМ ЭПОСЕ**
**(на материале хакасского героического эпоса «Ай-Хуучин»
и русских былинных текстов Сибири и Дальнего Востока)**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Новосибирск
2010

Работа выполнена на кафедре древних языков ГОУ ВПО «Новосибирский государственный университет».

- Научный руководитель — доктор филологических наук
Алешина Ольга Николаевна
- Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Алишина Ханиса Чавдатовна,
кандидат филологических наук
Шагдурова Ольга Юрьевна
- Ведущая организация — **Институт саяно-алтайской тюркологии и восточных языков ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»**

Защита состоится 20 декабря 2010 г. в 13-00 на заседании диссертационного совета Д.003.004.01 по защитах диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языковедение при Учреждении Российской академии наук Институт филологии Сибирского отделения РАН по адресу:

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8

Тел. (383) 330 84 69

Факс: (383) 330 15 18

E-mail: romodan@philology.nsc.ru

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института истории СО РАН по адресу: г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

Автореферат разослан «19» ноября 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А. А. Мальцева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено сравнительно-типологическому анализу систем образных языковых средств в текстах хакасского и русских эпосов.

Во **Введении** диссертации **актуальность исследования** определяется недостаточной изученностью стилистики сибирских фольклорных текстов в целом и эпических произведений в частности, а также отсутствием специальных исследований образных языковых средств хакасского и русского эпосов в типологическом аспекте.

Анализ образных языковых систем эпосов позволяет определить основную репертуар стилистических приемов, участвующих в построении хакасской и русской эпических картин мира, и выявить общие и этноспецифические закономерности в процессах образоформирования.

Степень разработанности темы исследования. Системное изучение языка эпических произведений в хакасоведении началось с XIX в. (Н. Ф. Катанов, В. В. Радлов и др.) и было продолжено в XX в. А. В. Кудияровым, Е. Н. Кузьминой, В. Е. Майногашевой, В. В. Миндибековой, О. В. Субраковой, М. А. Унгвицкой, Н. С. Чистобаевой и др. Обобщающие монографические исследования хакасских образных языковых средств отсутствуют, исключение составляют труды О. В. Субраковой, в которых анализировался эпический язык в целом. Отсутствуют диссертационные работы по хакасской исторической стилистике. Терминология, использованная в уже существующих исследованиях, не полностью описывает всю сложность образных языковых средств богатого хакасского фольклора. В русистике теоретические вопросы языковой образности фольклорных произведений разработаны более глубоко (С. Н. Азбелев, В. П. Аникин, Л. А. Астафьева, П. Г. Богатырев, О. И. Богословская, М. А. Кумахов, З. М. Петенева, Е. Ф. Петрицева, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, Ф. М. Селиванов, П. В. Табахьян, З. К. Тарланов, А. Т. Хроленко, П. П. Червинский и др.). Анализ образных языковых систем на материале хакасского и русского эпосов в сопоставительно-типологическом аспекте проводится впервые.

В качестве **источников материала диссертационного исследования** были использованы тексты изданий серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: 1) хакасский героический эпос – *алыптых нымах* «Ай-Хуучин» (1997 г.), записанный, подготовленный к изданию и прокомментированный В. Е. Майногашевой, и 2) сибирские локальные варианты былин из сборника «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» (1991 г.), собранные Р. Н. Афанасьевым, Л. Е. Большаковой, И. А. Бродским-Богдановым, В. П. Зиновьевым, Г. В. Зотовым, Н. С. Индан, М. Н. Мельниковым, В. С. Левашовым, С. Е. Никитиной, Н. А. Новоселовой и др., составитель собрания – Ю. И. Смирнов.

Объект исследования составили участвующие в создании эпических образных средств 270 хакасских языковых единиц различной частеречной принадлежности (*айланарга* 'крутиться, вращаться', *алтын* 'золотой', *күн* 'солнце', *нас* 'голова', *таг* 'гора', *хомай* 'плохой, скверный' и т.д.) и 253 русские (*буйный, возъяриться, зверь, ласковый, поле, рубить, сокол* и т.д.).

Предметом исследования стало: 1) выявление систем образных языковых средств в выбранных эпосах, а именно: а) лексико-семантических (функционально-стилистических) категорий, расширяющих исходную семантику слов и служащих для выражения образных самооценок персонажей и их оценок реалий фольклорных миров, т. е. выявление систем собственно тропических средств (метафор, метонимий, гипербол, символов, эпитетов и т. д.), б) образованных на их основе более сложных стилистических конвергентов (метафор-метонимий, гиперболических сравнений и метафор, символических эпитетов и т.д.); 2) сравнительно-типологическое описание этих систем.

Цель исследования – выявление универсальных и этноспецифических закономерностей в отборе и организации образных языковых средств, отражающих национальное мировосприятие в эпических картинах мира.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Определить возможности использования лингвостилистических, лингвофольклористических и лингвокультурологических данных, уже имеющихся в тюркологии и русистике, в исследовании образных языковых средств анализируемых собраний.

2. С опорой на фольклористические и лингвофольклористические сведения проанализировать образно-стилевые системы выбранных сибирских эпосов: построить классификацию образных языковых средств (символов, поэтических формул, метафор и метонимий, гипербол, сравнений и эпитетов), выявить причины и способы образоформирования, их универсальность и этноспецифичность.

3. С учетом полученных в ходе исследования результатов, а также уже существующих данных о мифологических, исторических и социально-бытовых представлениях тюрков и русских Сибири реконструировать и сопоставить получившие образные описания фрагменты хакасской и русской эпических картин мира.

4. Представить экспериментальное лексикографическое описание образных языковых средств хакасского эпоса «Ай-Хуучин».

В диссертации анализируются:

- хакасская и русская образная символизация;
- хакасская и русская системы сравнений;
- хакасские и русские субстантивные и глагольные метафорометонимические системы;
- хакасские и русские гиперболические и эпитетические системы.

Методы исследования. Диссертационное исследование построено на

сравнительно-типологическом анализе систем хакасских и русских образных языковых средств, поэтому в ходе работы привлекался широкий набор методов: методы наблюдения и сплошной выборки, глоссирования, перевода и лексикографического описания, компонентный анализ, описательно-аналитический и стилометрический методы.

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды, посвященные общим вопросам теории фольклора, лингвофольклористики и лингвостилистики. Это работы, выполненные на материале русских фольклорных текстов, таких советских и российских исследователей, как В. П. Аникин, М. А. Бобунова, П. Г. Богатырев, В. М. Гацак, Л. Ю. Гусев, И. С. Климас, С. Е. Никитина, И. А. Осовецкий, О. А. Петренко, А. А. Потеня, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, Ф. М. Селиванов, З. К. Тарланов, А. Т. Хроленко, П. П. Червинский, К. В. Чистов и др., а также исследования по тюркскому фольклору В. М. Жирмунского, Н. Ф. Катанова, А. В. Кудиярова, Е. Н. Кузьминой, Е. М. Мелетинского, В. В. Миндибековой, В. В. Радлова и др. Привлекались сведения из трудов, посвященных системному изучению тюркского эпоса (Л. А. Астафьевой, Н. М. Ахпашевой, В. Я. Бутанаева, И. И. Бутанаевой, В. Е. Майногашевой, О. В. Субраковой, М. А. Унгвицкой, Н. С. Чистобаевой и др.) и русских былин (С. Ю. Аншаковой, М. А. Кумахова, З. М. Петеновой, И. Я. Фроянова, Ю. И. Юдина, В. В. Чердынцева, Н. Г. Черняевой и др.). В качестве теоретической основы диссертационного исследования использовались труды по теории языковой образности (Ш. Балли, О. И. Блиновой, О. И. Богословской, В. В. Виноградова, Н. А. Лукьяновой, Е. Ф. Петрищевой, Н. А. Рудякова, Г. Н. Склирской, О. Н. Лагута, П. В. Табахьян, М. А. Халаловой, Д. Н. Шмелева, Е. А. Юриной и др.).

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые представлены результаты изучения систем образных языковых средств хакасского и русского эпосов в сравнительно-типологическом аспекте, а также предложен опыт лексикографического описания таких средств (на материале выбранного *алыптых нымаха*).

Практическая значимость работы. Материалы и результаты исследования могут быть использованы при разработке вузовских теоретических курсов и семинарских занятий по общей стилистике, тюркской и славянской лингвофольклористике, лингвокультурологии, хакасской и русской лексикологии, теории перевода и лексикографии.

Положения, выносимые на защиту.

1. Системы образных языковых средств *алыптых нымаха* «Ай-Хуучин» и русских былинных текстов Сибири и Дальнего Востока обладают как общими чертами, так и уникальными. Общность заключается в совпадении наборов подтипов таких средств, в частности в широком употреблении поэтических формул, гипербола, эпитетов и т.д., и объясняется наднациональными чертами эпического жанра в целом, задачи которого – создание монументальных образов.

ментальных полотен эпических миров, описание мощи богатырей и т.д. Уникальность же обусловлена выбором денотативных источников образоформирования и их связями с мифологической или исторической реальностью. Хакасский и русский эпические миры различаются, во-первых, устройством самого эпического пространства (для *алыптых нымаха* – трехчастное, для былин – бинарное), а во-вторых, наличием в хакасском эпосе и отсутствием в русском мифологической основы для образоформирования.

2. Мифологическая и культурно-историческая основы соответственно *алыптых нымаха* и русских эпических текстов отразились в символических обозначениях и закрепились в системах устойчивых *формул*, ставших одной из общих черт систем образных языковых средств этих произведений. Но хакасская формульность преимущественно субстантивная, русская – субстантивная и адъективная (обязательные «признаки» в русском эпосе более регулярно связываются с «носителями» этих «признаков»). Хакасские *формулы на основе словосочетаний* чаще участвуют в прозопографиях, русские – в топографиях и других видах описаний пространств. Хакасские *формулы на основе предложений* чаще используются в прагматографиях, русские – в топографиях. Формулы на основе сочетаний и в *алыптых нымахе* и в былинах можно отнести к чисто поэтическим. Формулы на основе предложений для русского эпоса – поэтические, для хакасского – этикетно- и/или ассоциативно-символические.

3. Русская былинная *нумерология*, так же как и хакасская, участвует в эпическом повествовании, но, в отличие от хакасской, не несет сакральных мифологических смыслов.

4. В обеих эпических традициях эталоны для создания *сравнений* были заимствованы преимущественно из денотативной сферы природных реалий. Хакасские и русские наборы денотатов-эталонов индивидуальны. На основе выявленных денотативных областей – источников образоформирования модель эпического мира *алыптых нымаха* условно может быть представлена в виде «горы», модель русского эпического мира – в виде «равнины».

5. Для исследованных *алыптых нымаха* и русских эпических текстов характерны стилистические конвергенты, возникшие на основе *метафор* и *метонимий*. Хакасские метафоризаторы изначально соотносились с бытовыми реалиями и с областью мифологических представлений, русские – с естественно-бытовой сферой. Анализ метафоро-метонимических субстантивов подтвердил мнение о том, что в основе *алыптых нымаха* лежало мифолого-символическое мировоззрение, а в основе русских былин – наивно-историческое сознание. Большая часть хакасских эпических глагольных метафоризаторов обозначает действия героев, а также процессы в мире артефактов. В целом образные описания процессов в *алыптых нымахе* более динамичны, чем в мире былин. В центре *алыптых нымаха* находится человек как физическое существо, и метафорами характеризуется стремитель-

ное развитие эпических событий. Процессуальный мир былин, так же как и хакасского эпоса, антропоцентричен, однако в его центре находится человек как носитель не только физических качеств, но и психических. Соответственно в былинных текстах главными становятся образные описания не только прагматографических явлений, но и прозопографических.

6. *Гиперболами* в исследованных хакасском и русских текстах чаще всего характеризуются персонажи и их действия. Для образных описаний русской эпической картины мира, в отличие от описаний хакасской, не характерны преувеличения до пределов Вселенной, что обусловлено отсутствием космогонических представлений в содержании рассмотренных былин.

7. Функция хакасских и русских *эпитетов* – поддержание образности в изложении и характеристике событий фольклорной реальности, а также в отражении традиционных мифолого-символических и реально-бытовых отношений. Хакасские и русские *обобщенно-характеризующие постоянные эпитеты*, имея большую частоту употреблений, используются преимущественно в описаниях эпических пейзажей и оформляют композиционные вставки. *Ситуативно-выделительные эпитеты* тоже часто встречаются в текстах, но, в отличие от постоянных, могут сочетаться с наименованиями различных объектов. В описаниях трехчастной структуры эпического мира *алыптых нымаха* (мира высших небесных сил, мира земного пространства и его жителей, мира злых потусторонних сил) используются общеязыковые хакасские эпитеты; в характеристиках бинарной русской былинной оппозиции «своего» и «чужого» употребляются русские фольклоризмы (например, локусно-определятельные и топонимические эпитеты в описаниях «чужого»).

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования излагались на шести Международных научных студенческих конференциях «Студент и научно-технический прогресс: Языкознание» (Новосибирск, Новосиб. гос. ун-т, 2005–2010 гг.), III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения языка и литературы. Языковое развитие и филологическое образование Юга Сибири и сопредельных территорий» (Абакан, Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2008 г.), на региональной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов», посвященной 85-летию д-ра филол. наук., проф. М. И. Черемисиной (Новосибирск, Институт филологии Сибирского отделения РАН, 2009 г.), и отражены в 10 публикациях. Кроме этого, по результатам отборочного конкурса автор диссертации принимала участие в VIII Международной весенней школе фольклористов «География фольклорных фактов и фольклорные диалекты», организованной Центром типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва – Переславль-Залесский, 2008 г.).

Структура работы. Диссертационная работа состоит из Введения, трех глав основной части (глава 1 «Хакасские и русские эпические тексты в лин-

гвистических исследованиях», глава 2 «Образные языковые системы хакасского героического эпоса “Ай-Хуучин” и русских былин Сибири и Дальнего Востока», глава 3 «Лексикографическое описание образных языковых средств, использованных в хакасском героическом эпосе “Ай-Хуучин”»), Заключения, библиографических списков, насчитывающих 283 наименования. Диссертация содержит 11 таблиц и 6 рисунков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В XIX–XX вв. в отечественной науке появились труды по изучению взаимодействия фольклора разных народов, основанные на исследованиях культурно-исторических и языковых контактов. Полученные теоретические результаты сохраняют актуальность для современной фольклористики (при сопоставительном изучении фольклорной сюжетики, мотивов, символики, межфольклорных связей), а также для лингвофольклористики, этнолингвистики и других смежных наук. В **первой главе** реферируемой диссертации **«Хакасские и русские эпические тексты в лингвистических исследованиях»** обобщаются проблемы, связанные с обозначенными выше исследованиями, анализируется соответствующая литература, определяется понятийно-терминологический аппарат, а также дается обзор результатов исследований хакасских и русских эпических текстов в лингвостилистическом, лингвокультурологическом и лингвофольклористическом аспектах.

Под *лингвостилистическим анализом* фольклорного произведения подразумевается исследование языка фольклорного текста в прямой связи с его анонимно-авторским пониманием и оценкой предметов изображения на основе исторически сложившихся традиционных представлений этноса, к которому принадлежит сказитель этого текста. При этом учитывается, что оценка, или коннотация, выражается в текстах не буквальными значениями слов, а соответствующими образами и смыслами с помощью конкретных стилистических приемов (п. 1.1. **«Лингвостилистический подход к изучению языка фольклорных текстов»**).

Фольклорное произведение представляет собой специфическую семиотическую систему, определенным образом организованную и вербально закрепленную. В диссертации различаются язык фольклора как один из семиотических кодов традиционной культуры и язык фольклорного произведения как стилистическая разновидность национального языка, использованная при исполнении фольклорного текста определенного жанра. Язык русских эпических текстов с учетом их локального варьирования получил широкое освещение в трудах по равноуровневой стилистике былин [Селиванов, 1964; 1984; Азбелев, 1974; Аникин, 1974; Богословская, 1983; Табахьян, 1983; Петенева, 1985; Никулина, 1989; Беляева, 1994; Аншакова, 2004; Багликова, 2006; Колотова, 2007; Шуплецова, 2008; и др.]. Язык былин сибирских и дальневосточных локальных вариантов не изучался. Об-

щие и частные стилистические приемы, использованные в уже исследованных локальных записях русских былин, очень редко привлекались для типологических исследований [Калашникова, 1998] (п. 1.1.2. «Лингвостилистическое исследование текстов русского эпоса: основные результаты»).

Язык хакасских фольклорных текстов как особая подсистема национального языка пока не получил полного стилистического описания. Первые исследования хакасского героического эпоса, в которых решались лингвостилистические задачи, включая проблемы терминологического обозначения, были проведены в XX в. [Майногашева, 1967; Субракова, 1978] и носили научно-описательный характер. В качестве базовых для изучения звукообразной системы хакасского эпоса в настоящее время можно принять общие теоретические разработки, касающиеся, например, фоностилистических особенностей тюркских языков в целом [Жирмунский, 1964; 1968; Стеблева, 1993; и др.] (п. 1.1.3.3. «Результаты лингвостилистического исследования хакасских эпических текстов»).

В диссертации реализуются также лингвокультурологический и лингвофольклористический подходы к изучению эпических текстов. При *лингвокультурологическом подходе* текстовые данные используются в реконструкции фольклорных картин мира, отраженных в эпосах, и учитываются источники национального образотворения – элементы мифологической или условно исторической реальности. На основе известных исследований, касающихся генезиса хакасского и русского эпосов [Оссовецкий, 1952; Унгвицкая, 1955; Мелетинский, 1963; Лихачев, 1967; Путилов, 1973; Аникин, 1980; Селиванов, 1984; Гацак, 1989; Фроянов, Юдин, 1997; Ойношев, 2006; Новичкова, 2001; Миндибекова, 2007; Субракова, 2007; и мн. др.], автором диссертации была выдвинута гипотеза, что основным источником образотворения русских былин можно считать условно историческую реальность, а источником образотворения *алыптых ньмаха* – мифологические и условно исторические представления (п. 1.2.1. «Лингвокультурологический подход»).

Наибольшего внимания в русской лингвистике получили исследования фольклорного текста в рамках *лингвофольклористического подхода*, идеи которого продуктивно развиваются курской школой лингвофольклористов во главе с А. Т. Хроленко. Большинство современных лингвофольклористических работ выполнено на материале русских (значительно реже – английских, французских, немецких и др.) поэтических и прозаических произведений [Давыдова, 1981; Тарланов, 1988; Хроленко, 1992а; Черноусова, 1994; Климас, 2000; Никитина, Кукушкина, 2000; Лаврентьев, Лагута, 2005; Борисова, 2007; и мн. др.]. Хакасские эпические тексты пока не получили подобного лингвофольклористического описания (п. 1.2.2. «Лингвофольклористический подход»).

В основу системы понятий, представленной в первой главе в п. 2. «**Понятийно-терминологическая база исследования образных средств хакасского и русских эпических текстов**» и используемой во второй и третьей главах, входят понятия образа, языковой образности и образных тропических и фигуральных средств (*метафора, метонимия, гипербол, эпитет, сравнение, перифраза, символ, традиционная эпико-поэтическая формула*). Исследователи отмечают, что в реальных текстах соответствующие средства могут участвовать в создании более сложных стилистических конвергентов [Копнина, 2003, с. 682], например, *метафор-метонимий, гиперболических эпитетов, метафорических поэтических формул* и т. п. В эпосе такие сложные по природе образные средства часто используются в целях построения синтаксических параллелизмов, создания фольклорных аллитератов. Их используют в различных типах текстовой дескрипции, например в: *топографиях* – описаниях определенных мест; *топотезиях* – разновидностях сюжетных топографий, описаниях ирреальных, воображаемых мест; *хронографиях* – описаниях событий определенного отрезка времени; *гидрографиях* – описании водоемов; *этопеях* – описаниях манер и поведения персонажей; *прозопографиях* – описаниях лиц и характеров персонажей; *диалогизмов* – описаниях диалогов и полилогов персонажей; *прагматографиях* – описаниях действий, процессов, например, битв, празднеств, свадеб, похорон и т. д.; *хорографиях* – описаниях отдельных народов, наций, этнических групп; и т. д. [Иванова, 2003, с. 776–778; Москвин, 2006, с. 500–513; и др.].

Вторая глава «Образные языковые системы хакасского героического эпоса “Ай-Хуучин” и русских былин Сибири и Дальнего Востока» посвящена детальному анализу исследуемых текстов, а именно выявлению подсистем образных языковых средств, установлению границ языковой образности, определению общих и этноспецифических черт в репертуаре образных средств *алыптых ньмаха* и былин. Последовательно рассматриваются хакасская и русская эпическая символизация, системы сравнений, эпическая метафорика и метонимика, гиперболические и эпитетические подсистемы. Анализ этих подсистем проводился с учетом фольклорного миромоделирования. Трехчастность картины мира *алыптых ньмаха* и бинарность былинной картины мира, с одной стороны, наличие в хакасском эпосе мифологической основы и ее отсутствие в русском – с другой, были подтверждены результатами анализа символов, поэтических формул (на основе словосочетаний и предложений) и средств нумерологических подсистем (п. 1. «**Хакасское и русское эпической миромоделирование и результаты символизации в исследуемых эпических текстах**»).

Специфика национальных представлений об устройстве Вселенной проявляется и в других подсистемах образных языковых средств. Единицы – компоненты сравнений в хакасском и русских эпосах могут быть распределены по следующим тематическим группам: 1) биоморфизмы, или зоо-

нимы и орнитонимы, куда также включаются наименования насекомых, рыб (хакас.: *аба* ‘медведь’, *инек* ‘корова’, *парс* ‘тигр’, *сеек* ‘муха’, *түлгү* ‘лиса’, *харлыгас* ‘ласточка’, *хартыга* ‘ястреб’, *хус* ‘птица’, *чылгы/ат* ‘лошадь’; рус.: *бык, воробей, гоголь, зверь, тигра, щука, орел, пташечка, селезень, соболев, сокол*), фитонимы (хакас.: *ос* ‘осина’, *хазың* ‘береза’, *от* ‘трава’; рус. *береза, дубрава, лес, маковица, трава*); 2) названия других натурфактов, в частности астронимы: хакас.: *күн* ‘солнце’, рус.: *звезды*), гидронимы и анемонимы (названия водных и атмосферных явлений) (хакас.: *наңмыр* ‘дождь’, *хар* ‘снег’, *чил* ‘ветер’, *суз* ‘вода’; рус.: *погода, снег*), ландшафтных объектов (хакас.: *талай* ‘река’, *таг* ‘гора’, *казы* ‘поле’; рус.: *река*); 3) наименования артефактов (хакас.: *аргамчы* ‘веревка’, *илгек* ‘сито’, *пыргы* ‘дудка’, *саргаас* ‘ручная веялка’, *чип* ‘нитка’; рус.: *дубина, ключ, колесо, котел, свеча*); 4) соматизмы и квасисоматизмы (хакас.: *пас* ‘голова’, *хан* ‘кровь’; рус.: *слеза*); 5) лексемы, обозначающие отвлеченные понятия, физические явления, металлы, пространственные реалии (хакас.: *алтын* ‘золото’, *күмүс* ‘серебро’, *чалын* ‘пламя’, рус.: *жар, луч, ночь, путь*). Для хакасского эпоса преимущественно характерны эталоны для сравнений из денотативной среды животных и из круга других природных реалий, а для русских былин – из денотативной среды животных. Биоморфизмы, на которые одними из первых среди отечественных исследователей обратили внимание М. И. Черемисина и ее коллеги [Гутман, Черемисина, 1972; 1976; Гутман, Литвин, Черемисина, 1977], чаще всего характеризуют в исследуемых фольклорных текстах удаль богатырей, позволяют в яркой иносказательной форме донести сакральные смыслы, помогают декодировать топонимику. У хакасов эталоном сравнения среди диких животных чаще всего становился *аба*, почитавшийся как тотемное существо. В первую очередь учитывались мифологические представления о медведе, в соответствии с которыми ему приписывались социальные роли брата или отца. В таких случаях слово *аба* актуализировало в эпосе положительную оценку: *Аба чили, хыс чахсызы харлап, күрлебискен ‘Как медведь, достойнейшая дева, заревев, закричала’**. Если же в основу сравнения брался не социальный, а ассоциативный (например, физический звуковой) признак подобия, то этот же образ получал отрицательную оценку: *Аба чили, айна харлас турадырлар ‘Как медведи, айна друг на друга зарычали’*. В русских былинах мифологической (тотемной) соотнесенности у биоморфизмов не зафиксировано, и сравнения с такими компонентами созданы на актуализации ассоциативных функциональных, результативных или внешних формальных, цветовых и других признаков, например: *И тут Василий, ровно бык, прошел* [Василий

* В тексте диссертации хакасские иллюстрации сопровождаются русским переводом, выполненным В. Е. Майногашевой и в ряде случаев нами. Для уточнения буквальных значений некоторых использованных в хакасском эпосе слов мы привлекали лексикографические источники и учитывали толкования, предложенные носителями хакасского языка.

Казимерской] (актуализированы функциональный и результативный признаки), *Его черны брови, как два соболя* [Потоп Михайлович] (актуализированы внешние цветовой и консистенциальный признаки). В эпических произведениях все биоморфизмы оценочны, но характер оценок зависит от традиционно сложившихся представлений о живых существах. Например, и в хакасском эпосе и в русских былинах используются сравнения персонажей с тигром: *Ала парс чили кўрлес турадырлар* '[Айна] как тигры, друг на друга зарычали' (пер. Майног.); *Больша-то сестра – дубиной по рекам, меньша-то сестра – цукой во сине море* [Калинин-царь увозит девушку]. Однако если в *алыптых ньмахе* биоморфизм в составе сравнения приобретает отрицательный коннотативный компонент в своем значении (айна, как и хищные животные, очень опасны), то русский контекст демонстрирует через биоморфное сравнение положительные качества, приписываемые тигру: преданность, смелость, ловкость, быстроту. Из этих контекстов видно, что и способы выражения сравнений с аналогичными компонентами могут быть разными. В целом, для *алыптых ньмаха* характерны синтаксические простые и сложные сравнительные конструкции с послелогогами *чили*, *осхас*, а также «морфологические» конструкции со специальным формантом *-даг* (при этом показатель *-даг* может присоединяться не только к именам, например существительным, но и к глаголам: *Алтында турган хара чирі саргодаң саргап турган=даг, ах айастың алтында илгектең илгеп турган=даг* 'Внизу великая земля колыхалась, веялкой ручной будто ее просеивали, под белым ясным небом колыхалась, ситом ее будто сеяли'), степенями сравнения, продольным / сравнительным падежом, координационной связью между подлежащим и сказуемым и др. В образовании русских сравнений участвуют аналогичные синтаксические сравнительные конструкции с союзами *как*, *точно*, *словно* или устаревшими *аки*, *ровно* и т. п., а также «морфологические» (термин М. И. Черемисиной) конструкции с творительным «метафорическим», именительным представления и генитивным падежами, отрицательные конструкции (*Не ясен сокол в перелет летал, не белый кречет перепорхивал – тут ехал удалой добрый молодец* [Про Добрыню Никитича и отца его Никиту Романовича]) и т. п. Анализ эпических примеров показывает, что все они чаще всего используются в богатырских этопеях и прагматографиях.

В результате анализа хакасских и русских сравнений было установлено, что человек в *алыптых ньмахе* образно может представляться в виде крупного животного, например *аба* 'медведь', *парс* 'тигр', но чаще – в виде домашних *инек* 'корова', *чылгы* 'лошадь'. Локусным определителем для действий такого человека становится *таг* 'гора'. Строение тела человека образно, через сравнения, соотносится с огромным деревом, с горой, но для него недостижимыми остаются реалии небесного пространства, где обитает Верховное божество. Рядом с героями *алыптых ньмаха*, благодаря сравнениям, оказываются и более мелкие животные: *хус* 'птица' и т.д. (рис. 1 автореферата).

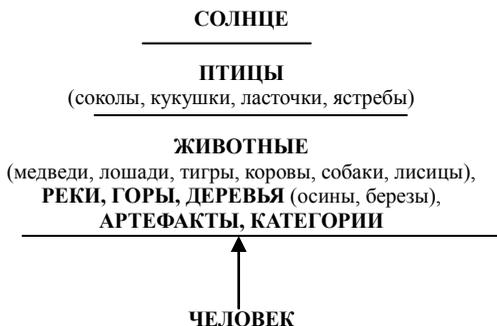

Рис. 1. Реконструкция фрагмента образной эпической картины мира *алыптых нымаха* «Ай-Хуучин» на основе использованных в его тексте эталонов сравнений

Локусным определителем для действий былинных персонажей стала равнинная местность – поля, луга, степи (рис. 2). В состав сравнений, используемых для образных описаний богатырей и других персонажей, чаще всего включены наименования птиц, обитающих как в небе, так и на воде, а также диких и домашних животных. Также портретные характеристики выражены сравнениями с другими объектами натурфактного и артефактного миров. Былинный персонаж, можно сказать, образно «взаимодействует» со всеми стихиями – земной, воздушной и водной (п. 2. «Сравнения в хакасском героическом эпосе “Ай-Хуучин” и русских былинах»).

Рис. 2. Реконструкция фрагмента эпической картины мира русских былин на основе использованных в их текстах эталонов сравнений

Дальнейший анализ субстантивной и глагольной метафорик подтвердил гипотезу о хакасской «мифологичности» и русской «историчности» эпических образов (п. 3. «Хакасские и русские эпические метафорика и метонимика (на материале исследуемых текстов)»).

В *алыптых нымахе* было выявлено 27 переносных лексико-семантических вариантов (ЛСВ), возникших на основе прямых единиц различной тематической отнесенности (натурфактной, артефактной, ментефактной, соматической и др.): *аас* ‘рот, уста’, *ай* ‘луна’, *алтын* ‘золото’, *иңни* ‘плечо’, *кiстег* ‘ржание’, *кўмўс* ‘серебро’, *молат* ‘сталь’, *намыт* ‘нанос из ветвей’, *от* ‘огонь, очаг’, *очых* ‘треножник, таган’, *паар* ‘печень’, *пас* ‘голова’, *пораан* ‘буран’, *сагыс* ‘ум, рассудок’, *таг* ‘гора’, *талай* ‘река’, *төл* ‘род, поколение’, *тўнўк* ‘дымовое отверстие’, *хабырга* ‘ребро, бок’, *хамах* ‘лоб’, *харах* ‘глаз’, *хас* ‘лука седла’, *хыр* ‘край, грань’, *чаас* ‘земля’, *чарых* ‘свет’, *чир* ‘земля’, *чорых* ‘путь, поездка’. В русских текстах было обнаружено всего 11 метафоро-метонимических ЛСВ, появившихся в результате метафоризации наименований натурфактов, артефактов, соматизмов, отвлеченных понятий и входящих по большей части в состав глагольно-именных метафорических сочетаний: *голова, золото, лес, ночь, плечи, ручки, сердце, свет, серебро, сила, туча*. Для *алыптых нымаха* характерна более разветвленная субстантивная метафоро-метонимическая система (пп. 3.1.1.1, 3.1.2, 3.1.3, 3.1.4), которую организуют: 1) метафоро-метонимические образные средства, участвующие в прозопографиях, этопеях и топотезиях (метаф. *Харах оды хапхан чир харал сишчададыр, харах оды хаппаан чир хара пыр тартылчададыр* ‘Земля, охваченная огнем глаза (т.е. светом глаза, или охваченная взором. – Е.В.), темнотой затянулась, земля, огнем глаза не охваченная, черной пылью затянулась’; метон. *Алтыннаң арыглап-сiлiглебiскеннер, алтыннаң оран, кўмўстең сўлгабысханнар, ўстўнсархы сiрееге ўс чახсы чатхысханнар* ‘Золотом убрали-украсили, золотом обернули, серебром обмотали (Хыс-Хан, когда она умерла. – Е.В.), на южное ложе трое достойных ее уложили’); 2) метафоры-сравнения с семантикой мифологической отнесенности (*Иди теенде Хан Мирген, изеби (?) чох Хыс Хан таг чили кўбiскен, талай чили таазыбысхан* ‘Когда так сказал Хан-Мирген, могучая Хыс-Хан, подобно горе, стала вспучиваться, подобно реке, стала бушевать’ (пер. Майног.)); 3) метафоры-метонимии-символы (*Паарынаң сыххан палазына, паарап, паарсабысхан* ‘К своему из печени вышедшему (т.е. родному. – Е.В.) ребенку прижавшись, приласкал его [Хан-Мирген]’) и 4) конвергентные метафоры-метонимии-перифразы, непосредственно раскрывающие мифологические представления хакасов об устройстве Вселенной (*Иңни пасха ил чирiне ирнiң чახсызы сых парган* ‘На землю народа с иным плечом достойнейший из мужей, поднявшись, въехал’).

Для былин метафоры и метонимии в целом не характерны. Входя в редкие прозопографические и этопические описания (*У меня [Дарья Бродовишны] есть в утробе чадо милое, чадо милое, любимое: по колен у чада ноги в золоте, по локоть руки в серебре, во лбу солнце красное, во затылке светел месяц, а по косицам – частые звезды* [Невольники на море]), а также в топотезии (*Падала калена стрела на дубовый стол. На каленой стреле ярлык написанный: Подымается туча, гразь великая со той белостороночки*

восточной, едет Тит [Старина про Тита]) и не имея мифологических значений, они в основном соотносятся с глагольной эпической метафоризацией либо служат целям создания синтаксических параллелизмов (п. 3.1.1.2 «Русские метафоры-метонимические образные средства»).

Глагольная метафорика *алыптых нымаха* (п. 3.2.1. «Хакасская глагольная метафорика») антропоцентрична, и в центре глагольной метафорической картины мира находится человек как физическое существо, который в динамичном процессуальном мире эпоса является главным производителем действий (*Халых, аймах чоны харлыгасты хайназыбысхан, хара сеек чили, ил-чоны, ылазып, тойлазыбысхан* ‘Разный люд-народ, подобно ласточкам засновал (букв. закипел, забурлил. – Е.В.), подобно мухам, жужжа, народ свадьбу праздновать начал’). Данные по долевого отражению различных глагольных метафор в хакасском эпосе приведены в табл. 1 автореферата.

Таблица 1

Хакасская глагольная метафоризация и ее результаты, %

«Процессы, связанные с человеком» (76)			«Процессы, связанные с артефактным миром» (13)		«Процессы, связанные с натурфактным миром» (11)		
человек→ человек (50)			человек → природа (15)	человек→ артефакты (11)	артефакты → природа (2)	природа → природа (9)	природа→ человек (2)
физ. (38)	соц. (10)	псих. (2)					

Процессуальный мир былин (п. 3.2.2. «Русская глагольная метафорика») также антропоцентричен, но в его центре находится человек одновременно как физическое и психическое существо (*Зачал* [Добрынюшка] *сабелькой пофыркивать, стал он копьем подпиратися* [Про Добрыню Никитича и отца его Никиту Романовича]; *Тугарин темнеет* (гневаётся. – Е.В.) *на Олешу как темная ночь* [Алеша Попович и Змей Тугаретин]);. Результаты долевого распределения глагольных метафор в былинах представлены в табл. 2 автореферата.

Таблица 2

Русская глагольная метафоризация и ее результаты, %

«Процессы, связанные с человеком» (81)			«Процессы, связанные с артефактным миром» (9,5)		«Процессы, связанные с натурфактным миром» (9,5)		
человек→ человек (57)			человек→ природа (19,25)	человек→ артефакты (4,75)	артефакты→ человек (псих.) (4,75)	артефакты→ природа (4,75)	природа→ человек (псих.) (9,5)
физ. (28,5)	псих. (28,5)						

Системы гипербола (п. 4 «Гиперболы в эпической традиции и их фольклорные функции в «Ай-Хуучин» и былинах Сибири и Дальнего Востока») в хакасском и русском эпосах тоже имеют свои этноспецифические черты. Все хакасские и русские гиперболы классифицируются в соответствии с выполняемыми ими функциями: 1) моделирующей (создание монументальной картины эпического мира) и 2) типизированно-описательной (описание эпического локуса, действий персонажей и их портретных характеристик).

(1) Гиперболы выражают определенные модели эпического миромоделирования. Выделяются три степени гиперболизации (в диссертации используется типология гипербола из [Астафьева, 1993]): 1) первая степень, условно обозначенная как $S \leftrightarrow S$, где S – это персонажный мир, ограничивается гиперболизацией в пределах представлений человека о самом себе, о своих поступках и действиях при помощи образов артефактов и количественно-временных характеристик: *Иргі чылын иртіре ирес-толгазыбысхан, чыл наазына сыгара чиңіс полбин турадырлар* ‘Весь старый год до нового года дрались, победу одержать ни один не смог’; *Бил, топтал он силу поганую* [Илья], *бил, топтал трои сутичи, не пиваючи, не едаючи, со добра коня не слезаючи* [Илья Муромец и Соловей-разбойник]; 2) вторая степень ($(S \leftrightarrow S) \rightarrow O$, где O – мир природы) характеризуется тем, что процесс расширения выходит за рамки собственно персонажного уровня на более высокий, природный, т. е. используются сравнения, соположения, сопоставления с природным, окружающим миром: *Тиңнер-мындар тастазыбыссалар, талдай суу салгып турадыр, чирнең тигір пірік парабысхан, чирдің үстү хара нобдген* ‘Когда друг друга туда-сюда бросают, вода в реке волнуется, земля с небом смешались, поверхность земли тьмою застлало’; *Он* [Илья Муромец] *понес турка к морю синему, как сине море всколебалось, на пески вода разливалась* [Илья Муромец и турок]; 3) для третьей степени ($((S \leftrightarrow S) \rightarrow O) \rightarrow P$, где P – «космический» мир) характерно расширение ситуаций до бесконечности, выход за рамки обитания персонажей в водно-наземно-воздушной среде: *Іді хыйгылап турганда изебі чох (?) Ай Хуучын, чаас чарылыбысхан, үлгер үзілібіскендег* ‘Когда могучая Ай-Хуучин так умничала, земля раскололась, звезды словно расколелись’). Для русских текстов третья степень гиперболизации не характерна (хотя встречаются такие контексты: *Что со вчера порошица порошила, со полуночи выпал белый снег – в весь белый свет* [Чурила и Перемитьиха]. Это связано с отсутствием космогонических сюжетов в былинах (п. 4.1. «Моделирующая функция (создание монументальной картины эпического мира) гипербола в хакасском и русском эпосах»).

(2) Хакасские и русские гиперболы делятся на «динамические» и «статические» (в классификации Л. А. Астафьевой [1993]). «Динамические» характеризуют эпические действия. «Статические» соответственно передают нединамичные эпические характеристики (портретные и психологиче-

ские описания персонажей, в том числе и изображения коней-помощников, характеристики эпических локусов и др.) (п. 4.2. «Типизированно-описательная функция гипербол»).

Эпитеты в хакасском и русских эпических текстах (п. 5. «Эпитетические системы в исследуемых «алыптых нымахе» и былинах») поддерживают образность, краткость и четкость изложения событий фольклорной реальности и отражают определенные традиционные мифологосимволические и реально-бытовые отношения [Майногашева, 1967; Машукова, 2008]. Анализу подвергались 48 хакасских и 57 русских эпитетов.

Обобщенно-характеризующие эпитеты в хакасском эпосе имеют большую частоту употреблений (10,4 %): *аарлыг* ‘дорогой; ценный; уважаемый, почетный’, *аархы* ‘дальний; противоположный’, *арыг* ‘чистый, светлый, ясный’). Обычно эти эпитеты используются в топотезиях и хорографиях, оформляют композиционные вставки: *Адазының аарлыг чирі агылдаң ырах хал парадыр* ‘Дорогая земля его отца далеко в памяти осталась’; *Арыг сіліг чоным, ах иб алнына чылыңар!* ‘Прекрасный народ мой, к белому дворцу собирайтесь!’; и т.д. Их можно назвать постоянными. *Ситуативно-выделительные эпитеты* (89,6 % от общего количества) по выполняемым ими функциям объединяются в следующие группы: 1) выделяют персонажей из общего числа (42 %): *Абахай чахсызы ала харах чазы аңнахтап түскен* ‘У достойнейшей из жен слезы из глаз потекли’; *Артых күстіг ир чахсы* ‘Очень сильный достойнейший из мужей’; *Пора нарчын хус күдүгі* ‘Серый сокол, мудрейшая из птиц’; 2) индивидуализируют фольклорные реалии (26 %): *Ах морчолыг чазыларны алын азахтаң түре тарт килгеннер, көк морчолыг чазыларны кизін азахнаң чайа теер килгеннер* ‘Степи, белыми цветами покрытые, [коня] передними ногами быстро заворачивали, степи, синими цветами покрытые, задними ногами раскидывали’ (пер. Майног.); 3) выделяют по цвету (18 %): *Ала хула асхыр ала хула пиңең хыс паланы сыстап турадырлар* ‘Пего-саврасый жеребец с пего-саврасой кобылицей девочку обнюхивают’; *Хан Мирген, ирдің чахсызы, хамчы салыбысхан, хан поэраһ ат чахсылары анда ойлас парыбысхан* ‘Хан-Мирген, достойнейший из мужей, плетью стегнул, кроваво-рыжие, достойнейшие из коней, тогда побежали’ (основными цветами *алыптых нымаха* являются черный *хара* и белый *ах*, но за ними нет четко закрепленных оценочных значений «отрицательный – положительный»). Одна из основных функций эпитетов – расцвечивать фольклорный мир. Цветовую палитру *алыптых нымаха* составляют 12 наименований: *ала* ‘пегий, пестрый, серый’, *ах* ‘белый’, *көк* ‘синий’, *күрең* ‘коричневый’, *поэраһ* ‘рыжий’, *пора* ‘серый’, *сарыг* ‘желтый’, *хара* ‘черный’, *хоор* ‘каурий’, *хуба* ‘светло-коричневый’, *хула* ‘саврасый’, *хызыл* ‘красный’. Половина из цветowych эпитетов относится к масти лошадей, что связано с восприятием этих животных как одних из главных персонажей эпоса или «персонажей-помощников» богатырей, а также с их соотнесенностью с мирами Вселен-

ной); 4) уподобляют (7 %): *Азгын суг чили, ат чахсызы, соолап, сабыл килген* 'Как быстрая река, достойнейший из коней с шумом приближается' – обычно такие эпитеты характеризуют персонажей, уподобляя их соответствующим натурфактам, иначе говоря, в этой функции эпитеты входят в сравнительные и сравнительно-метафорические конструкции, иногда в составе фольклорных параллелизмов; 5) описывают явления природы (7 %) *Ах айастың алтында ала харахтаң чидібіскен* 'В белом безоблачном небе с глаз скрылась'. По семантико-эстетическим признакам все хакасские эпитеты можно разделить на *метафорические* и *символические*. Первые имеют конкретную семантическую привязку непосредственно к персонажам, событиям и действиям, совершаемым в эпосе, вторые в своей семантике содержат более глубокий сакрально-мифологический подтекст.

Русские эпитеты относятся к следующим тематическим группам: цветовые и «световые» (*белый, голубой, зеленый, красный, лазоревый, светлый, сивый, синий, черный, ясный*); указывающие на материал (*дубовый, креновый, сосновый, тавалженный, золотой, серебряный, сафьянный (из козье или овечье кожи), шелковый*); имеющие отношение к человеческим качествам (*богатый, богатырский, буйный, быстрый, грозный, добрый, неверный, ласковый, лютый, могучий, ретивый, родимый, сердечный, удалой, хороший*); указывающие на вещество (*медовый, сахарный*), топонимические (*заморский, камчатский, турецкий, шемахинский, мумрянный, черкасский, сорочинский*); параметрические (*великий*), темпоральные (*вешний*), пространственные (*стольный, восточный, дальний, западный, низовный*); характеризующие материальные объекты (*вострый, горячий, сырой, тугой, чистый*).

К *обобщенно-характеризующим* относятся так называемые постоянные эпитеты (18 %), образующие устойчивые сочетания: *силушка бесчетная, буйна голова, востра сабелька, добрый молодец / добрый конь, ласковый князь, чисто поле, стольный град, сыра земля, уста сахарны, ясны очи*. Они характерны для всего русского фольклора.

К *ситуативно-выделительным эпитетам* (66 %) относятся универсальные, характеризующие различные эпические предметы или объекты: *белый, богатырский, быстрый, грозный, великий, восточный, дубовый, заморский, медовый, могучий, светлый, тугой, удалой, турецкий, шелковый, ясный* и др. Русские универсальные ситуативно-выделительные эпитеты имеют сходные с хакасскими функции. При помощи единичных эпитетов (*камчатский, креновый, лазоревый, мумрянный, тавалженный, тагулиный, черкасский, шемахинский, сорочинский* – 16 %) в русских текстах описывается вражеская сила. В целом, постоянные и универсальные русские эпитеты описывают положительных героев, единичные – врагов.

В отличие от хакасских метафорических эпитетов, русские представляют собой *метафоро-гиперболические* конвергенты (12 %): *богатый, богатырский, быстрый, ретивый, великий, грозный, шелковый* (травка, подпру-

ги, рукавички, перчатки, петля): *Как от той було стороночки восточной подымалася туча богатая, туча грозная, гражь великая, – еще едет-то Тит, похваляется* [Данилушко Игнатъевич и Тит]. В отличие от символических эпитетов *алыптых нымаха*, значения которых образовывались на основе метафорической деривации, русские *символические эпитеты* (14 %) представляют собой результат закрепившейся традиционной соотнесенности предметов и описываемых реалий. Такие эпитеты характеризуют в основном вражескую силу, символизируя инопространство: *дальний, западный, низовний, тагулный* и т.д. Цветоэпитеты *белый и черный*, вступая в оппозицию «свой – чужой», приобретают соответствующие символические значения. В текстах былин полные портреты персонажей отсутствуют, описываются только детали, характеризующие не индивидуальность, а тип героя [Аншакова, 2005, с. 81], т. е. его принадлежность к положительным или отрицательным персонажам.

В третьей главе «**Лексикографическое описание образных языковых средств, использованных в хакасском героическом эпосе “Ай-Хуучин”**» представлен опыт Словаря образных языковых средств хакасского эпического произведения.

Хакасская фольклорная лексикография, история которой началась в XX столетии, продолжает развиваться. Существующие хакасские словари (толковые, системные, этнографические) в основном отражают результаты исследований внутрисистемной организации хакасского литературного языка и частных лингвокультурологических описаний. Одними из первых словарей можно считать учебные пособия для начальной школы: «Хакасско-русский словарь» Ц. Д. Номинханова и Д. Ф. Коковой [1948] и «Русско-хакасский словарь» Ц. Д. Номинханова [1948], но эти издания из-за незначительного объема словников не могли дать полного представления о богатстве хакасской лексики. По-настоящему значимым трудом стал «Хакасско-русский словарь» Н. А. Баскакова и А. И. Инкижековой-Грекул [1953], в основу которого была положена выборка из текстов, сделанная еще В. В. Радловым и Н. Ф. Катановым. В словарь были включены 14 000 лексических и фразеологических единиц из художественных, публицистических и научных текстов, а также из записей устной разговорной речи (фиксировались и диалектные данные). Его существенно расширенным переизданием (около 22 тыс. слов) стал «Хакасско-русский словарь» [2006], в значительной мере пополненный за счет не учтенных ранее диалектных слов и наименований новых реалий. Расширился и круг источников материала. Составители словаря привлекли не только книги хакасских писателей, тексты периодической печати, учебников, учебных пособий, но и произведения фольклора. В целом, современная хакасская лексикография представлена преимущественно системными словарями, например «Кратким хакасско-русским фразеологическим словарем» Т. Г. Боргояковой [2000]. Также ведется работа по созданию словаря оронимов Хакасии (Р. Д. Сунчугашев), словаря си-

нонимов (Д. И. Чанкова), словаря омонимов хакасского языка (Д. И. Чанков, З. Е. Каскаракова), русско-хакасского словаря литературных терминов (А. Г. Кызласова, В. Е. Майногашева) и др.

В этом ряду отсутствуют словари образных средств. Однако и русская лексикография, несмотря на ее более масштабный опыт, не имеет в своем собрании комплексных словарей таких средств языка в целом, хотя на основе диалектной картотеки и картотеки «Словаря русского языка» (под ред. А. П. Евгеньевой) О. И. Блиновой и ее коллегами были составлены «Словарь образных слов и выражений народного говора» [Словарь образных слов..., 2001] и «Словарь образных слов русского языка» [Блинова, Юрина, 2007]. Вслед за томскими исследователями, автор диссертации считает составление подобных словарей важным направлением в лексикографических исследованиях, поскольку подобные издания позволяют в общем виде представить выразительные возможности языка. Русская лексикография развивается преимущественно в направлении создания идиолектных словарей (например, [Поляков, 2008; Словарь языка Пушкина, 2000; и др.]), словарей отдельных произведений, важных в историко-культурном отношении и содержащих наряду с другими и образные единицы (например, [Словарь-справочник Слова о полку Игореве, 1965–1984; Клименко, 2008]), или в направлении словарей отдельных стилистических средств (сравнений [Мокиенко, 2008], перифраз [Новиков, 1999], фразеологических единиц [Ренская, 2009], образных поэтических средств [Павлович, 1999; Словарь языка поэзии..., 2004] и др.). Опыт создания двуязычных словарей образных средств вообще единичен [Брускина, Шитова, 2008]. До сих пор нет и сводного словаря образных единиц русского фольклора. С учетом многожанровости, обширности и специфики русского фольклорного наследия отечественные лексикографы поставили перед собой задачу сначала составить словари по жанрам [Хроленко, 1992б; Никитина, Кукушкина 2000; Бобунова, 2004], чтобы в дальнейшем объединить их в комплексном труде – «Словаре языка русского фольклора» [Бобунова, Хроленко, 2006].

С опорой на опыт отечественных лексикографов автором диссертации была предпринята попытка разработать концепцию Словаря образных языковых средств *алыптых ньмаха* «Ай-Хуучин». Общий объема словника, включающий все приемы фольклорной изобразительности (тропику, синонимиику, параллелизмы и т.п.), насчитывает 190 единиц различной частеречной принадлежности. Словарная статья состоит из зоны заглавного слова (заголовочное слово – хакасская лексема, участвующая в создании образных и изобразительно-выразительных средств) и зоны толкования, представляющей собой иллюстрацию функционирования лексемы в эпосе, а также системы помет, семантического комментария, подтолкований, лингвокультурологической информации. В лексикографическом описании был учтен трехчастный принцип миромоделирования, характерный для семантики *алыптых ньмаха*. Лингвокультурологическая информация сопровож-

дается конкретизаторами, условно обозначающими уровни эпической Вселенной – В (Верхний мир), С (Средний мир), Н (Нижний, или Подземный, мир). Из системных отношений в Словаре были зафиксированы только полисемические и синонимические, а также отражена метафорометонимическая деривация фольклорных лексем.

Примеры словарных статей.

Айланарга, v, 1) вращаться, крутиться; 2) бывать (где-л.); 3) возвращаться; 4) обращаться к кому-л. с чем-л.; 5) превращаться ◇ 1) **перемещаться метаф.** ■ **Пай Сарыг Хан чирі чир чабызы чирде, – тіп, – көрінмес айна чолында көрін-местер көп айланчадыр** ‘Земля Пай-Сарыг-Хана в низинах земли, – говорит, – на невидимых дорогах айна много невидимых *вращается* [находится]’ Н; такое перемещение айна подобно разрушительному смерчу, и упоминание о нем вызывает ассоциации с непогодой и стихийными бедствиями. Динамической метафорой *айланарга* характеризуются передвижения представителей Нижнего мира; 2) **сражаться метаф.** □ **Тиң тастазыбысхан Хан Мирген, тиң түзібізіп, айланыбысхан** ‘На равных сражался Хан Мирген [с волком], на равных бился, *сражаясь*’; характеристика перемещения / передвижения богатыря в пространстве во время битвы с врагом; 3) **хлопотать по хозяйству метаф.** **Алып Хыс Хан, айланып, ала торсых ас сыгарған, айлан киліп, азы-**

суун үлебіскен ‘Алып-Хыс-Хан, повернувшись, пестрый торсук с вином достала, *хлопоча*, вино подала’ С; 4) **закручиваться, кружиться, колыхаться метаф.** **Ат морчолыг чазыларга ат соонда айлан халыбысхан** ‘Степи с белыми цветами позади коня *закружились*’; *син.* **Ибірілерге, Тобырарга, Толғирга.**

Көөк, n, кукушка ◇ *эпич. симв.* **Арғалыг сында турчатар, арыг табыстыг көөк хус – аның тапсаан чиріне паррып, анда салазар мини сөөгім** [Хыс-Хан, умирая]: когда будете находиться у высокого хребта, чистоголосая кукушка появится – поезжайте в ту землю, кости мои там положите’ В; эпический образ кукушки, мудрой птицы, наставницы героев, восходит к дошаманистской мифологии – к тотемистическим воззрениям, она оживляет мертвых. Нередко в эпосе встречается мотив превращения в кукушку старшей сестры богатыря-героя, которая оживляет брата своим кукованием [Майногашева, 1997, с. 441]; см. Хус.

В **Заключении** диссертации подводятся общие итоги исследования и намечаются его перспективы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы.

Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторских и кандидатских диссертаций:

1. Войтенко Е. П. Эпитетика хакасского героического эпоса «Ай-Хуучин» // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 2. С. 50–55.

2. Войтенко Е. П. Метафоро-метонимические субстантивы в сибирских эпических текстах // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 2. С. 63–69.

3. Войтенко Е. П. Образно-выразительные средства «алыптых нымаха» как объект фольклорной лексикографии // Сибирский филологический журнал. 2010. Вып. 2. С. 108–112.

Статьи в научных изданиях:

1. Войтенко Е. П. Сравнения в хакасском героическом эпосе «Ай-Хуучин» // Языки коренных народов Сибири. Вып. 19. Развитие аналитических структур в условиях языковых контактов. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2007. С. 184–188.

2. Войтенко Е. П. Метафорический процессуальный мир хакасского героического эпоса «Ай-Хуучин» // Труды по когнитивной лингвистике: Сб. науч. ст. Серия «Концептуальные исследования». Кемерово, 2008. С. 156–161.

3. Войтенко Е. П. Хакасский эпос в исследованиях по хакасоведению // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Т. 7. Вып. 1. С. 26–31.

Публикации материалов докладов на научных конференциях:

1. Войтенко Е. П. Хакасские фольклорные метонимика и метафорика (на примере метонимий и метафор *чир* в героическом эпосе «Ай-Хуучин») // Материалы XLIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 44–46.

2. Войтенко Е. П. Тропы с биоморфными компонентами в хакасском героическом эпосе «Ай-Хуучин» // Материалы XLIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. С. 76–77.

3. Войтенко Е. П. Метафорика хакасского героического эпоса «Ай-Хуучин» // Материалы XLV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 38–40.

4. Войтенко Е. П. Гиперболы в хакасском и русских эпических текстах // Материалы XLVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2010. С. 59–60.

ВОЙТЕНКО Екатерина Петровна

**ОБРАЗНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА В ХАКАССКОМ И РУССКОМ ЭПОСЕ
(на материале хакасского героического эпоса «Ай-Хуучин»
и русских былинных текстов Сибири и Дальнего Востока)**

Автореф. дис. на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Подписано в печать 11.11.2010 г.
Формат 60×84 1/16. Офсетная печать.
Уч.-изд. л. 1,4. Тираж 100 экз.
Заказ №

Редакционно-издательский центр НГУ.
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.